

Памяти поэта

В этот день, тридцать лет назад, оборвалась жизнь замечательного русского поэта Бориса Пастернака. Чем дальше в прошлое уходит он от нас, тем значительнее кажется все им написанное. 1990 год объявлен ЮНЕСКО годом Пастернака. Поклонники его творчества благодарны режиссеру Е. Родомысленскому, сумевшему после длительного перерыва в этом году восстановить спектакль «Затонувший остров» — единственную постановку в Москве, в основу которой была положена переписка Б. Пастернака и М. Цветаевой.

Я для Вас писал «Девятьсот пятый год» и для мамы — «Лейтенанта Шмидта». Больше в жизни это уже никогда не повторялось. И словно в резонанс с его мыслью строки из письма М. Цветаевой Пастернаку (1927 г.): «Когда я пишу, я ни о чем не думаю, кроме вещи. По-

сихихся Октябрьских событиях, Борис Пастернак словами своего доктора Живаго выскажет мысль, «едва ли не самую важную», отражающую понимание поэтом революции и отношение передовой интеллигенции к событиям 1917 года: «Какая великолепная хирургия!

Оно начато не с начала, а с середины... в первые повернувшиеся будни, в самый разгар курсирующих по городу трамваев. Это всего гениальнее. Так неуместно и несвоевременно только самое великое...».

Переписка М. Цветаевой и Б. Пастернака, достигнув апогея в 20-е годы, потом постепенно сходит на нет. Из одновременно предполагавшихся встреч не состоялось ни одной. А может быть, они интуитивно боялись разрушить при встрече тот особый мир, который создали в письмах?

Встретились — негладно и неудачно. Он приехал в Париж на Международный конгресс защиты культуры от фашизма.

После возвращения Марины в СССР они периодически виделись с Борисом Леонидовичем. Он старался помогать и поддерживать ее, но с «заоблачностью их дружбы» было покончено: однажды сойдя с такой высоты, вторично подняться на нее невозможно, как невозможно дважды войти в одну и ту же реку...».

Им довелось проститься так, как хотелось. Не знали только, что прощались навеки... Пастернак в тот далекий августовский день 1941 года провожал ее с сыном Муром в эвакуацию в Елабугу. Среди провожавших был и И. Эренбург. «Вот тут бы и задуматься, и постараться с фотографической точностью запечатлеть в памяти все происходящее — ведь в эти мгновения, на этой шумной замусоренной пристани совершалось непоправимое: — навсегда прощались два великих русских поэта — Цветаева и Пастернак. «Не расстались — разорвались!» — как когда-то пророчески написала Марина.

Е. КУРБАНОВА.

«Я СТАЛ ЧАСТИЦЕЙ ВРЕМЕНИ...»

Рис. А. ЙОРША.

том, когда написано — о тебе, когда напечатано — о всех».

Их переписка — 14 лет жизни, с 22-го по 35—36 гг. Письма потрясают своей открытостью, обнаженностью, кажется иногда, что они просто кровоточат. 1 февраля 1925 года родился сын Марины Ивановны Георгий. Она сообщает Пастернаку об этом, добавив: «Мальчиков надо баловать! Им, может быть, на войну идти...». И спустя много лет А. Ахматова при встрече с Мариной скажет: «Как вы могли такое сказать? Разве вы не знаете, что истинные поэты всегда пророки?». Вот и напрогнала она сыну смерть на бранном поле...

Борис Пастернак, как и многие из представителей русской интеллигенции, не без колебаний и не без духовных потерь принял революцию. Россия на этом этапе своего развития представлялась ему полной противоречий и двойственности. И он воспринимает ее с любовью, которая вызывает в нем высшее страдание.

Говоря о только что совершив-

этих людей удивительно переплелись.

...«Весной 1922 года, — вспоминает Б. Пастернак (когда Цветаева уезжает из Советской России за границу, где встречается со своим мужем Сергеем Эфроном, — прим. авт.) — я купил в Москве маленькую книжечку ее «Верст». Меня сразу покорило лирическое могущество цветаевской формы. Я написал Цветаевой в Прагу письмо, полное восторгов и удивления по поводу того, что я так долго прозеывал ее и так поздно узнал. Она ответила мне. Между нами завязалась переписка».

Каждым из них было написано другому около сотни писем, посвящены стихи, прозаические произведения.

Из письма Б. Пастернака к дочери Цветаевой А. Эфрон (октябрь, 1951 г.): «В течение нескольких лет меня держало в постоянной счастливой приподнятости все, что писала тогда твоя мама, звонкий, восхищающий резонанс ее рвущегося вперед безоглядного одухотворе-

«Наш спектакль — это рассказ о высоком уровне контакта двух выдающихся русских поэтов, выдающейся женщине и выдающемся мужчине, об исключительности духовной высоты их отношений, но вместе с тем это пьеса о взаимоотношениях просто мужчины и просто женщины».

Вы знаете, прошло всего четыре года, а такое впечатление, что позади — целая эпоха, — рассказывает Е. Родомысленский. — Мы попортили много крови и нервов, «пробивая» спектакль. Еще свежо в памяти, как заведующая литературной (!) частью спрашивала у нас: «Зачем вы ставите спектакль об эмигрантах, людях, уехавших из страны в трудное для нее время?».

Возникали сомнения и другого рода: как возможно из такого шаткого материала, как письма Пастернака и Цветаевой друг к другу, где все построено на эмоциях, полутонах, восприятии на уровне подсознания, где очень часто отсутствует событийность жизни, а есть только событийность духовная, сделать пьесу.

Но для нас с Е. Муратовой такой спектакль явился совершенно естественным, органичным продолжением тех размышлений, той линии, которой мы придерживались в предыдущих спектаклях «Поэт Марина Цветаева» и «Здесь на синей Земле» (об А. Блоке). Судьбы всех

30/5-90

Пастернак Б. П.